

ПРОЛОГ

И говорит ему Иисус: лисицы имеют норы, и птицы небесные — гнезда; а Сын Человеческий не имеет где преклонить голову.

Евангелие от Матфея, 8: 20

Я муравей в вереске. Или птица, заблудившаяся в мироздании. Далеко от земли. И все-таки Дина так близко, что я чувствую на лбу ее дыхание.

Она стоит как столп, широко расставив ноги и вытянув вперед руки. Из рук что-то падает. Сердито поет металл, ударившись о камень. Я никогда не забуду этой песни. Потом, когда мне покажется, что наступила тишина, зашевелится вереск. Я услышу его сухой шелест. Башмаки Дины, прикрытые юбкой, медленно отступят назад. И исчезнут из круга того, что случилось.

В круге останусь я. И человек. Он лежит в вереске, и голова его покрыта красной пеной. Пена шевелится, ползет. Дальше, шире. Вокруг нас все становится красным. Вокруг него и меня. А она уходит от нас. И нам ее не достичь. Она покинула пределы, очерченные ее юбкой.

Я не муравей и не птица. Я никто. И все-таки я заставляю себя подняться. Заставляю себя возникнуть из воздуха так, чтобы она меня увидела.

Тогда я чувствую на себе ее руки. Они касаются моей головы. Плеч. Шеи. Лица. Она медленно надавливает пальцами мне на глаза. И все становится черным. Мне не больно. Но страшно.

Она обнимает меня, как хрупкий и легкий предмет. Держит в руках, крепко прижав к себе.

Я чувствую запах ее кожи. Это запах выжженной солнцем травы и пота. Пряный и соленый. Но самой Дины я не вижу, потому что она пальцами закрыла мне глаза, раз и навсегда.

Я почувствую, как напрягутся ее мышцы еще до того, как она оттолкнет меня. Оттолкнет грудью, животом и руками.

Я слышу, как бьется ее пульс. Словно быстрое течение подо льдом. Близко и страшно.

К коже приникает холод. И я, слепой, бреду один во Вселенной. Боясь упасть, я поджимаю ноги. Я готов к тому, что меня ожидает. Закрываю руками лицо. Хочу защититься от падения.

Потом я понимаю, что парю в воздухе. Лечу. И голос Дины, словно ночной ветер, влетает в мое окно: «Благословляю тебя, Вениамин, ты — Сын Счастья!»

Говорят, что скрытая правда легко оборачивается ложью. В таком случае лжи в мире больше, чем мы думаем.

Я никому не сказал, кто бросил ружье в вереск. Может, уже тогда я пустился на поиски своей правды?

Может, правда, о которой мы молчим, на самом деле — ложь?

Бог молчит. Так неужели Бог поэтому лжец?

В Писании сказано, что мы созданы по образу и подобию Божьему.

В таком случае, не своим ли искусством умалчивать правду мы больше всего походим на Него?

Только тот, кто испытал страх, находит покой, только тот, кто спускается в подземное царство, спасает любимую, только тот, кто поднимает нож, обретет Исаака.

Иоханнес де Силенцио. Страх и трепет*

И это тоже я. Человек, который в чужом городе пытался обрести себя. Но ничто не соответствовало действительности. Моя жизнь мчалась мимо меня. То вверх, то вниз. То вперед, то назад. Люди, которых я встречал на улице, носили маски. Все без исключения. Они были Диной, то и дело менявшей костюмы, чтобы я не узнал ее.

Небо казалось блестящей монетой, на которую плевались выстроившиеся рядами кирпичные трубы.

Кто-то написал мне и попросил забрать Динину виолончель. Так принято, что друзья или родственники после смерти владельца забирают его вещи. Я не позволил себе поверить в смерть Дины, потому что хотел найти ее живые следы.

Впереди меня, покачивая бедрами, шла женщина в широкополой шляпе. Я вспомнил то, что однажды сказал мне Андерс: «Берегись женщин, которые прячут лицо под шляпой, тогда как бедра их словно обнажены. Эти женщины не так застенчивы, но и не так уж обнажены, как тебе может показаться».

Можно представить себе, что виолончель похожа на женщину с обнаженными бедрами. Виолончель Дины стояла где-то здесь, в чужом городе, прислоненная к стене, и чрево ее было полно рыданий.

Можно убедить себя, что, найдя виолончель, ты найдешь рыдания. Или смерть. А может, и то и другое.

* Псевдоним, под которым датский философ Сёрен Кьеркегор (1813–1855) выпустил в 1843 г. свой трактат «Страх и трепет». — *Здесь и далее примеч. пер.*

Можно также бесконечно спорить с собой, как назвать свои действия — поступком безумца или естественной реакцией ребенка. Но как ни назови их, все это одинаково смешно.

Я никогда не играл на виолончели, и у меня даже в мыслях не было научиться играть на ней. Наверное, она не представляла собой большой ценности, и я спокойно пережил бы ее утрату. Но решение было принято: я найду инструмент и отвезу его в Рейнснес.

Люди, торопливо сновавшие мимо меня, чужие голоса, непонятный язык, моя собственная растерянность — все это стало адом, отравой которого проникала в каждую пору. Я был маленьким мальчиком; Дина посадила меня на лошадь и сказала, что поведет ее под уздцы, пока мы не миновем двор усадьбы, а потом отдаст поводья мне.

Уже на грязном, чадающем вокзале меня охватило чувство, будто я попал в подземное царство. Я Орфей. Я спускаюсь в царство мертвых в поисках женщины.

По дороге с вокзала я несколько раз ощупывал внутренний карман пальто — на месте ли письмо с адресом, хотя уже дважды назвал этот адрес извозчику и он кивком головы подтвердил, что понял меня.

Большой дом стоял немного отступив от улицы и был обнесен высокой оградой. Вход преграждали решетчатые ворота, заостренные вверху и внизу зубья напоминали наконечники копий. Дикий виноград и сорняки уже давно завоевали клумбы у подъезда. Дом выглядел необитаемым.

Я попросил извозчика подождать, а сам подошел к воротам и дернул позеленевшую ручку звонка. Где-то в доме ворчливо залился колокольчик. На этом все и кончилось. Я попробовал отпереть ворота. Они грозно заскрежетали, однако не открылись.

Я подергал их. Покричал. Меня охватил детский гнев. Одиночество, разочарование, усталость. Виной всему был этот жесткий язык, которым я не владел. Вениамин рвался к Дине. К своей матери!

Я презирал себя. Но удержаться не мог. В ту минуту не мог!

Наконец извозчику надоел весь этот шум. Он хотел, чтобы с ним расплатились, — ему пора ехать.

В соседнем доме раскрылось окно, из него высунулась женщина и что-то крикнула мне. Я не понял ее. Но слово «wahnsinnig»* объяснило мне, что меня бранят. Распахнулось еще несколько окон. Новые крики. Послышалось слово «полиция».

Тогда я сдался. И с чувством, что этот дом существовал только в моем сознании, сел на извозчика.

Мне удалось найти поблизости дешевый пансион, и каждый день по нескольку раз я подходил к тому дому. Меня мучили теплые солнечные дни. И моя черная одежда. Конечно, я мог бы купить себе что-нибудь полегче. Денег на это у меня хватало бы. Но что делать с этой одеждой потом? К тому же хозяйка пансиона сказала, что холода могут начаться со дня на день.

В пансионе все, вплоть до жесткой подушки, пропахло свиной и колбасой. Стены были покрыты живым узором из клопов. Из-за них я часто сидел на площадях и в парках, глядя на летящие листья. Люди спешили по своим делам и не обращали на меня внимания. Однако меня преследовало чувство, будто кто-то наблюдает за мной.

Человеку вовсе не нужно сердце, чтобы гнать кровь по жилам, думал я. Сила, которая заставляла циркулировать мою кровь, называлась «одиночество». Им была проникнута каждая клетка моего существа.

* Сумасшедший (нем.).

Умерла! — шептало мое одиночество.

Я был Орфеем. Я должен был совершить свой подвиг.
Ради кого?

Чужой язык утомлял меня. Сперва мне казалось, что все вокруг говорят голосом матушки Карен. Я вернулся в детство, и она, чтобы научить меня немецкому, читала мне вслух по-немецки разные приключения. Я полагал, что немного владею этим языком и могу вести на нем простой разговор. Но, начав говорить, я быстро терял нить. И тогда мне начинало казаться, будто люди издают эти странные звуки нарочно, чтобы сбить меня с толку.

Вечером, когда я лежал под окном, которое выходило на крышу и глядело на отсутствующего Господа Бога, у меня в голове продолжали звучать чужие голоса и незнакомые слова. Понимали ли люди, к которым я обращался, о чем я их спрашивал? Понимал ли я сам, что они мне отвечали?

Я надеялся, что Дина жива. И в то же время боялся этого.

Но Орфей должен был вернуться домой, разрешив эту загадку.

Я представлял себе, что она когда-то сидела как раз на этой скамейке или переходила ту же улицу. Один раз мне показалось, что я вижу ее. И несколько кварталов я шел за какой-то женщиной. В конце концов она обернулась, и на меня обрушился поток гневных слов.

— Не бойтесь! Я всего лишь Орфей! — сказал я дружески-любно.

Тогда она бросилась бежать. Сумочка била ее по бедру.

Из-за высоких каблучков она бежала крохотными шажками. И почти не продвигалась вперед. Вид у нее был преглупый. Догнать ее ничего не стоило. Догнать и схватить за руку или за платье. Она даже как будто просила об этом.

Прошло три дня, я по-прежнему бродил по улицам. Грязь и листья прилипали к моим башмакам, словно были частицей меня самого, от которой мне не удавалось избавиться.

Я встал рано, твердо решив расспросить о Дине людей в соседних домах. Тщательно побрился и надел чистую рубашку.

Я ходил от подъезда к подъезду и звонил. Стоял и прислушивался к далеким бездушным шагам больших ног, обутых в башмаки на кожаной подошве. Маленьких — в мягкой суконной обуви. Металлический стук высоких каблуков внушал мне страх. Так повторялось без конца. Я совершал один и тот же ритуал с небольшими вариациями. Люди как будто издевались надо мной, пытались запутать и заставить забыть о цели моего приезда.

Дину Грэнэльд не знал никто. Некоторые отвечали вежливо, но равнодушно, словно смотрели сквозь меня. Другие были раздражены и испуганы, точно я собирался напасть на них. Третьи отвечали холодно и кратко. Четвертые принимали меня за сумасшедшего. Человек, который ходит от одной двери к другой, спрашивает о какой-то женщине и даже не может объяснить, как она выглядит!

К вечеру я снова пришел по указанному мне адресу. Позвонил. Я приходил туда каждый день.

И вдруг ритуал оказался нарушенным. За дверью слышались шаги! Шаркающие, но быстрые. В дверях показался мужчина с длинными серебристыми усами и острым взглядом. Мгновение мы внимательно разглядывали друг друга. Потом он нетерпеливо спросил:

— Что вам угодно?

Я представился и ждал, что он признает меня. Но он смотрел на меня как на постороннего.

— Мне написали, что я могу забрать у вас виолончель фру Грэнэльд, — объяснил я.